Куликов Ф.И.

Некоторые принципы построения изобразительного пространства в египетских частных гробницах Старого царства (на примере гробниц Сенеджемиб/Инти и Сенеджемиб/Мехи)

*Горно-Алтайский государственный университет
(Россия, Горно-Алтайск)*

doi: 10.18411/sr-10-04-2019-22

idsp: sciencerussia-10-04-2019-22

Отличие погребальных комплексов древних египтян от большинства захоронений народов древности состоит, прежде всего, в наличии значительной изобразительной составляющей – скульптуры, настенных рельефов и иероглифических текстов. Во взаимосвязи с архитектурными компонентами суперструктуры (портиками, колонными залами, камерами, часовнями и сердабами) они образуют систему в несколько уровней, должное функционирование которой обеспечивало бытование Двойника (Ка) владельца – самой значимой из сущностей египтянина Старого царства (XXVII-XXIII вв. до н.э.; правление царей III-VI династий). Изобразительный компонент частных гробниц Старого царства дает богатейший материал как о жизни вельможеского хозяйства, так и всего государства этого времени, и на протяжении, по меньшей мере, двух столетий по праву считается главным источником изучения практически всех аспектов староегипетской жизни. Взгляд на египетский рельеф как на «моментальную фотографию» окружающих египтян реалий превалировал в египтологии долгое время и не лишен определенного основания: вряд ли человек древности, не выходявший далеко за границы долины Нила, мог выдумать нечто, что шло бы вразрез с его повседневностью. По этой причине мы не можем видеть в египетском рельефе несуществующие (либо – не существовавшие до этого) орудия труда, не практиковавшиеся формы земледелия, вымышленные социальные группы и прочее. По причинам мировоззренческого характера мастер не мог в гробнице неженатого заказчика изобразить жену, а в гробнице бездетного – детей, но мог включить в производственные сцены сколько угодно челяди, домашнего скота и птицы. В последнем случае желание вельможи ограничивалось только его административно-материальными возможностями. Это и не случайно: в то время, как работники, за редким исключением, были обезличены, и их изображение было ценно лишь тем, что фиксировало безусловное исполнение важных для вельможи работ, домочадцы имели индивидуальность, передававшуюся написанием их имени (рен) – одной из важнейших сущностей египтянина.

Наше понимание содержания изобразительной составляющей частной египетской гробницы может быть адекватным староегипетским представлениям лишь при условии учета его места в системе староегипетского погребения и особенностей древнеегипетского миропонимания. Включая изображение или надпись в систему староегипетской усыпальницы, египетский мастер вносил корректировки в иконографию и содержание с учетом специфических представлений о мире Двойника, его структуре, и о механизме его функционирования.

Эффективным методом изучения механизма построения архитектурно-изобразительного пространства староегипетских гробниц может стать сравнительный анализ двух схожих погребений, датируемых одним временным периодом. Лучше всего для решения этой задачи подходят две соседние гробницы из некрополя в Гизе, датируемые временем правления царей поздней V династии Старого царства. Одна из них (G 2370) принадлежит Сенеджемиб/Инти – визирю царя по имени Исеси, хозяином другой (G 2378) является его сын Сенеджемиб/Мехи, бывший визирем при Исеси и Пепи II. Так случилось, что Сенеджемиб/Инти умер, не успев построить себе усыпальницу, и перенявшему его должность сыну пришлось строить сразу два погребения – и для себя, и

для своего отца. Из надписи известно, что гробница Сенеджемиб/Инти была сооружена и оформлена за один год и три месяца.

Две эти гробницы сильно различаются размерами. Наземная часть гробницы Сенеджемиб/Инти значительно больше. Она включает две камеры (ближнюю к входу камеру будем обозначать цифрой I, дальнюю – II), вытянутую в плане часовню с большой ложной дверью на западной стене и колонный зал, не оформленный рельефами. Два сердаба – закрытые помещения для хранения статуй, – связываются небольшими проемами в стене с камерой II и с колонным залом. Вход в суперструктуру Сенеджемиб/Инти находится на востоке и снабжен довольно глубоким портиком с двумя колоннами. Сама суперструктура расположена на оси восток-запад.

Система наземных помещений гробницы Сенеджемиб/Мехи значительно скромнее, но, в целом, повторяет суперструктуру Сенеджемиб/Инти. Она состоит из входного портика без колонн, одной камеры с примыкающим к ней сердабом и часовни. Вход в суперструктуру Мехи располагается на юге комплекса, а сама она ориентирована по оси юг-север.

Несмотря на различия в размерах и в количестве помещений двух гробниц, их изобразительное пространство формируется сценами и сюжетами схожего содержания. Они вполне обычны для оформления погребений этого времени и включают сцены сельскохозяйственных и ремесленных работ, жреческой службы и плавания на судах – под парусом и на веслах, сюжетами подгона скота, доставки вещей и продуктов. Поскольку суперструктура гробницы визиря Сенеджемиб/Мехи меньше, перед мастерами встала довольно непростая задача – обеспечить погребение заказчика рельефами, не только достаточными для его успешного функционирования, но и, по возможности, не уступающими в разнообразии сцен оформлению гробницы отца. Нужно признать, что стоящую перед мастерами задачу никак нельзя признать простой: даже без учета не оформленного рельефами колонного зала, суперструктура Сенеджемиб/Инти была на одну камеру больше и, соответственно, изначально могла включать большее число изображений. Для выявления различий в изобразительном пространстве двух гробниц необходимо последовательно рассмотреть содержание сцен и отдельных сюжетов.

Сохранность рельефов в двух гробницах разная: у Мехи до нашего времени лучше дошло оформление портика, а у Инти – часовни с ложной дверью. Входные портики и часовни в обеих гробницах покрыты рельефами схожей тематики. Различия, безусловно, есть: стоит помнить, что в сотнях египетских частных погребений нет даже двух суперструктур с одинаковой архитектурой и оформлением. Но эти различия не представляются нам существенными. На входных портиках каждой из усыпальниц два раза показаны хозяева в тростниковой лодке, добывающие в болотах Низовья метательной палкой и острым птицу и рыбу, а также работа пастухов. В часовнях представлены сцены жреческой службы у ложной двери с доставкой необходимых для службы припасов. Существенные и важные для нас отличия заметны в содержании изобразительной композиции других камер.

В гробнице Сенеджемиб/Мехи стены камеры заняты сюжетами исключительно производственного характера: подгона скота, отлова и доставки вельможе птицы, вспашки земли и сбора зерновых в Верхнем Египте, работ ремесленников. Ремесленники в мастерских плавят металл, делают сосуды, украшения и изваяния хозяина – все то, что пригодится скоро в жреческой службе. Подготовкой к службе заняты и музицирующие на арфах и флейтах мужчины, а также четверо танцующих под их аккомпанемент. Сюжет с танцующими дошел до нас сильно поврежденным, однако положение их ног, а также две фигуры мужчин, хлопающих в ладоши в такт, позволяют понимать сцену именно так. Выяснено, что возложению продуктов на жертвенник перед ложной дверью в часовне предшествовало их «обтанцовывание» под музыку. Музыка и танцы, скорее всего, придавали жертвуемой провизии необходимое для Двойника хозяина качество, либо создавали нужную атмосферу для контакта жрецов с Двойником. Но сцен, показывающих

непосредственно погребение хозяина или регулярную службу с целью кормления его Двойника, в этой камере мы не видим. Впрочем, на ее западной стене, сразу под сельскохозяйственной сценой, можно обнаружить небольшой сюжет воскурения ладаном, а также подношения птицей, бедром жертвенного животного и полосами льна. Однако сюжет этот, как и размещенное ниже изображение заклания жертвенных животных, имеют вполне определенную привязку к сердабу за стеной, связанного с камерой узким проемом. Несмотря на то, что статуи хозяина в сердабе мыслились изолированными от внешнего мира, они нуждались в периодическом кормлении, которое и осуществлялось путем изображения непосредственно у проема работы жреческой череды. Таким образом, в камере гробницы Сенеджемиб/Меги египетский мастер разместил почти исключительно сцены производства продуктов и вещей, необходимых для жреческой службы в соседней часовне.

На стенах комнаты I Сенеджемиб/Инти мы также видим изображения производственных работ – пастухов в болотах Низовья и мастеров в ремесленной мастерской (изготавливают статуи и сосуды). Производственные сюжеты занимают и большую часть поверхности стен соседней комнаты II: на северной стене художник изобразил работы в поле, а на восточной – сбор винограда и изготовление вина. Производственные очаги связаны между собой и с часовней сценами доставки продуктов и подгона животных женщинами селений.

Однако в камере I Сенеджемиб/Инти, помимо производственных сцен и сцен доставки, содержатся сюжеты иного характера. На восточной стене, южнее входа, художник вырезал большой рельеф с изображением плавания хозяина на больших кораблях под парусом и на веслах, на южной стене – доставки его статуй в гробницу, а также его путешествия в паланкине в сопровождении челядинцев. Эти, на первый взгляд, бытовые сцены, имеют иной, скрытый подтекст. Изображением плавания хозяина в большой деревянной ладье в сопровождении команды гребцов, матросов, их начальников и жрецов египтяне передавали его путешествие «на Запад», то есть, суть и назначение обряда погребения. Подобная образность не случайна: в египетской изобразительности Старого царства стараются всячески избегать изображений тела мертвого хозяина. Но поскольку зафиксировать факт погребения было желательно, египетские художники часто прибегали к намекам, иносказанию. Таким иносказанием погребального ритуала служит, по всей видимости, и изображение на южной стене этой же комнаты путешествующего в паланкине хозяина, сопровождаемого собаками и челядинцами с поклажей. Ниже этого сюжета художник представил сцену транспортировки на волокушах в гробницу двух статуй Сенеджемиб/Инти. Перед статуями жрецы курят в кадилницах ладан, а после размещения их в сердабе жрецы продолжают службу мясной жертвой. На это прямо указывает расположенная ярусом ниже сцена заклания: у трех поваленных и связанных быков резники отсекают передние ноги для их последующего возложения на жертвенный камень. Таким образом, на восточной и южной стенах комнаты I гробницы Сенеджемиб/Инти показаны события, прямо относящиеся к погребению хозяина – доставка статуй в гробницу, которая осуществлялась еще до смерти ее владельца, его погребение и путешествие Сенеджемиу/Инти «на Запад».

Описывающие погребение сцены были введены в оформление гробницы Сенеджемиб/Инти не случайно: сыну, достроившему гробницу своего отца и достойно его похоронившему, важно было запечатлеть этот факт для потомков.

Акцент на изображение погребения еще более усиливает содержание титулатур Сенеджемиб/Инти – перечней должностей перед его большими изображениями.

В нескольких случаях – на архитраве входа в суперструктуру, на косяках входа в колонный зал и возле прохода из камеры I в камеру II они включают титул «херихеб» – «жреца-чтеца». Изображения вельможи с этим титулом, как правило, размещаются в основных местах проведения ритуала – на входе или проходе, между колоннами, у ложной двери и перед сердабом. «Жрец-чтец», или «жрец-праздничных книг» был

главным действующим лицом и при погребении, и в проведении последующей регулярной службы у ложной двери. По всей видимости, он был одним из немногих жрецов, способных непосредственно общаться с Двойником хозяина. В то время, как другие жрецы очищали помещение часовни, жертвенник и продукты дымом ладана и водой с содой, возлагали на жертвенник продукты, херихеб зачитывал со свитка жертвенную формулу и «имена» продуктов, после чего направлял их особым жестом Двойнику в ложную дверь. Включение титула «херихеб» в список должностей позволяло наделить изображение хозяина дополнительной функцией – способностью проводить жреческую службу в составе жреческой череды. Изображений других жрецов здесь нет, но они в этом случае и не нужны: большое изображение вельможи – хозяина усыпальницы с титулом жреца прямо намекает на их наличие.

Таким образом, изобразительные пространства в гробницах Сенеджемиб/Инти и Сенеджемиб/Меги, несмотря на кажущуюся идентичность, имеют существенные различия, которые, скорее всего, объясняются судьбой их хозяев. Большая гробница Сенеджемиб/Инти содержит очень важные сцены, намекающие на должным образом выполненный ритуал погребения – плавание «на Запад», путешествия в паланкине и доставки статуй в гробницу, а также наличие в титулатуре самого хозяина должности херихеба, позволяющего обеспечивать жреческой службой и ритуал погребения, и последующее кормление его Двойника. Ничего такого в гробнице Сенеджемиб/Меги мы не видим. Разместив в гробнице рано умершего отца соответствующие сюжеты, Сенеджемиб/Меги продемонстрировал свою сыновнюю любовь и исполнение сыновнего долга.

1. Большаков А.О. Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. – СПб.: Алетей, 2001.
 2. Куликов Ф.И. Изображение жреческой службы в часовне староегипетских частных гробниц: некоторые принципы построения сюжета // Вестник древней истории. – М.: Наука, 2012. – № 2. – С. 102-118.
 3. Куликов Ф. И. Размещение изображений вельмож-херихебов в староегипетских гробницах // Вестник древней истории. – М.: Наука, 2011. – № 1. – С. 53-61
 4. Куликов Ф. И. Сцены танцев в египетских частных гробницах Старого царства // Петербургские египтологические чтения 2007-2008. Труды Государственного Эрмитажа. XLV. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009. – С. 103-115.
 5. Bolshakov A.O. Man and his Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom. – Wiesbaden, 1997.
 6. Brovarski E. The Senedjemib Complex. Pt I. The mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374, and Senedjemib Mehi (G 2378) (Giza Mastabas. Vol. 7). – Boston, 2003
 7. Brunner-Traut E. Der Tanz im alten Ägypten nach bildlichen und inschriftlichen Zeugnissen. – Hamburg; N.Y., 1938.
-